

Языкознание 2003 год, (3)

Е.С. Скобликова*

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ

В статье даются краткие сведения о предыстории современного русского правописания. Более подробно рассматриваются: содержание реформы орфографии 1917-1918 гг.; унификация правописания, осуществленная в “Правилах русской орфографии и пунктуации” 1956 г.; два нереализованные проекта совершенствования орфографии (1930 и 1964 гг.), а также проект нового “Свода правил русского правописания. Орфография. Пунктуация” (2000 г.)

*Скобликова Елена Сергеевна – кафедра русского языка Самарского государственного университета.

Предыстория русского письма связана с использованием старославянского алфавита – кириллицы. В X-XI веках между звуковым составом слов и словоформ и их буквенным составом наблюдалась предельная близость; принципом правописания был в основном принцип фонетический (по существу – фонематический) 1 . С накоплением исторических изменений в фонетической системе, особенно в результате падения редуцированных и развития аканья, соответствие между произношением и написаниями оказалось серьезно нарушенным. Ср., например, др.-р. **плодъ** [» плодо] и совр. **плод** [**плот**] ; [др.-р. **плода**] и [совр. **плада**] .

В текстах, особенно в светских памятниках, появились написания, отражающие новые особенности произношения: аканье, оглушение и озвончение согласных. Сакральный характер церковных произведений, требовавший соблюдения письменных традиций, сдерживал эту тенденцию. Вместе с тем варианты написаний, основанных на разных принципах, накапливались, требовалось упорядочение орфографии. И в XVIII веке после дискуссии между М.В.Ломоносовым и В.К.Тредьяковским закрепились по существу традиционные обозначения согласных и безударных гласных, не фиксировавшие аканья, развившегося на большей территории бытования русского языка, и изменений согласных после падения редуцированных гласных. Сохранились и другие традиционные написания, в частности, отражавшие былую мягкость шипящих **ж** и **ш** , а также **ц** . Написания, соответствующие прежнему окающему произношению и различению звонких и глухих согласных, стоявших перед редуцированными гласными (до их падения), были переосмыслены как проявления морфологического принципа, требующего опираться в письменной практике (в случае проверяемых написаний) на употребление в той или иной морфеме соответствующих звуков в сильной позиции. Принятые правила позволили сохранить косвенную связь буквенных обозначений с произношением, а следовательно – фонетическую **мотивированность** написаний, отсутствие резких различий между звуковым составом и графическим образом слов и словоформ 2 .

Однако за пределами этих центральных разделов сохранялись многочисленные колебания правописания, требовавшие упорядочения. Актуальными были и вопросы упрощения орфографии, особенно связанные с архаическим использованием “лишних” букв: **ъ** в конце слова, **h** , одного из двух “ **и** ”, фиты. Поэтому на протяжении XIX в. шло интенсивное обсуждение проблем русского письма (вплоть даже до предложений о замене русского алфавита латинским 3). Показательно, что только в 1862 году прошло 7 совещаний по вопросу об упрощении русской орфографии 4 . Большое значение для обобщения и осмысления орфографических проблем имело исследование академика Я.К.Грота “Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до наших дней. Филологические разыскания Я.Грота” (СПб., 1873. 159 с.; 2-е издание, дополненное. СПб., 1876. 460 с.).

Гроту принадлежит заслуга составления (по поручению 2-го отделения Академии наук) свода правил “Русское правописание”, вышедшего первым изданием в 1885 году.

Свод в значительной мере решал задачу упорядочения орфографии, приведения к единству варьирующихся написаний, но не реализовал требования упрощения правописания, в частности, устранения лишних букв. Поэтому проблема совершенствования орфографии оставалась острой и в конце XIX – начале XX вв. Проекты упрощения правописания в 1901 г. были представлены педагогическими обществами Москвы, Казани, Одессы. А в 1904 г. комиссия по вопросам русского правописания была организована при Академии наук. В том же году комиссией был предложен проект нового правописания. Однако при противоречивости мнений 5 и сопротивлении консервативной печати даже окончательная редакция проекта реформы, разработанная в 1912 году, была (с некоторыми изменениями) поэтапно 6 реализована лишь в 1917-1918 гг. Основным содержанием реформы было устранение устаревших элементов правописания: исключение букв “ять”, “десятиричного и”, “фиты”; отмена употребления **ь** в конце слов; изъятие архаических элементов в правописании ряда грамматических форм слова 7 . Несомненно, что это обеспечило упрощение орфографии.

Однако, с одной стороны, ряд разделов правописания продолжал вызывать протесты с точки зрения их сложности, с другой – в практике печати проявлялись элементы орфографических колебаний. Отдельные разночтения фиксировались и в рекомендациях учебной и справочной литературы 8 . На протяжении почти 90-летнего периода после 1917 года четырежды вновь проходили острые дискуссии по вопросам орфографии: сначала – во второй половине 20-х – начале 30-х годов; потом – в середине 50-х, в начале 60-х годов XX века и последняя – в новейшее время (2001-2002 гг.). Их сопровождала, а в наше время практически открывала разработка проектов совершенствования самого правописания, а также совершенствования орфографических и пунктуационных правил.

Реализованными среди соответствующих разработок оказались только “Правила русской орфографии и пунктуации”, выпущенные на правах законодательного документа в 1956 году. Они не предусматривали каких-либо серьезных изменений орфографии. Среди проблем ее совершенствования в них на первый план была выдвинута задача **унификации** – устранения колебаний, наблюдавшихся в некоторых разделах правописания и в отдельных словах. Например, вместо двояких написаний (**о** и **ё**) под ударением в корнях некоторых слов после шипящих, типа *шепот* и *шопот* , *желоб* и *жолоб* , *желудь* и *жолудь* , *черт* и *чорт* , для этих слов, имеющих

в корне чередование с **е** [э] (*черти*), или с безударным э -образным звуком **э и(ы)** было установлено единое написание **ё** . Устранены колебания в правописании многих отдельных слов. И лишь в единичных случаях осуществлены изменения в сторону упрощения действующих правил – устранение или сокращение исключений из них. Так, стали писаться через дефис три наречия с приставкой **по-** , которые до этого предписывалось писать слитно: *по-прежнему*, *по-видимому*, *по-пустому* . Слитное, а не дефисное написание было закреплено в наречиях *вовремя*, *вовсю*, *вничью* , не входивших ни в одну словообразовательную модель с дефисным написанием. Сокращено количество корней, в которых после **ц** ранее следовало писать **ы** .

Вышедший в 1930 году 15-тысячным тиражом “Проект Главнауки о новом правописании” (М., 1930) 9 и опубликованные в 1964 году “Предложения по усовершенствованию русской орфографии” 10 были ориентированы на упрощение русской орфографии. В проекте 2000 года, как пишет один из ее авторов и редакторов, “задача усовершенствования русского письма не ставилась”, “и все же незначительные изменения оказались очень желательными... Они направлены на исправление регулярно нарушаемых правил” 11 .

Каким было конкретное содержание выдвигавшихся проектов?

Решения, которые предлагались в проектах 1930 и 1960 гг., полностью или частично совпадали. Например, общими были положения:

– не писать **ь** после шипящих согласных;

– оставить в качестве разделительного знака только **ь** , соответственно писать: *сьел*, *подъезд*, *съезд*, *объяснить*, *объявление*, *подъем* и т.д.;

– после шипящих под ударением писать **о** , без ударения – **е** , т.е., например: *жолтый*, *чорный* – *желтеть*, *чернеть*; *бережат* – *гложет*; *течат* – *вытечет*; *отраженный* – *выраженный*, *испечонный* – *выпеченный* и т.д.;

– компонент **пол-** всегда писать через дефис, т.е. не только *пол-огурца*, *пол-литра* , но и *пол-часа*, *пол-года*, *пол-метра* и под. (Это предложение было повторено и в проекте нового Свода правил 2000 года).

В обоих проектах предусматривалось изменение в употреблении **ы** и **и** после **ц**. Но в проекте 1930 г. не только после **ц**, но и после **ж** и **ш** предлагалось писать **ы**: *цырк, социализм, революция; жырный, пишыте* и под. Проект 1964 г. предусматривал после **ц** всегда **и**: *циган, ципленок; отци, улицы, бледнолиций* и под.

В обоих проектах предлагалось в разных позициях отменить написание двойных согласных. Особенно радикальным был в этом отношении проект 1930 г., оставлявший “право” на двойные согласные только на стыке приставки и корня, а также в словах *жуужжать, ссора, спасся, сросся*; среди примеров: *деревяный, соломенный, взволнованный, русский, Одеса, искусство, комиссия, коммунист, классовый, оппозиция, Ана, тона, Мюлер*. Предложения 1964 г. предусматривали отмену двойных согласных только в иноязычных по происхождению словах с оговоркой: “Удвоенные согласные пишутся только в словах: *ванна, гамма, сумма* (список слов еще не окончательный)”.

В обоих проектах содержался пункт об изменении в написании частиц. В проекте 1930 г. предлагалось распространить дефисное написание на частицы **бы**, **ли**, **же**, а в проекте 1964 – установить раздельное написание для **-то**, **-либо**, **-нибудь**; **кое-** в местоименных словах (*кто то, ктонибудь* и под.) 12.

Как показывает этот, далеко не полный, перечень предложений, по сравнению с декретом 1917 г. проекты 1930 и 1964 годов были гораздо более объемными и не такими “общепонятными”, как в 1917 году.

Насколько целесообразным и реалистическим было бы в этих условиях принятие предлагавшихся проектов?

Факторы, требующие максимальной осторожности в реализации существенных изменений орфографии, достаточно многообразны. Наибольшее значение имеют среди них факторы **социального характера**.

Прежде всего, письменное общение во избежание коммуникативных помех и во имя связи поколений вообще требует орфографической стабильности: это подчеркивается в проекте 2000 г. 13 и (хотя бы интуитивно) осознается большинством носителей языка.

Между тем даже при идеально продуманных с лингвистической точки зрения изменениях правописания достаточно глобальный характер приобретает угроза **дестабилизации** орфографической практики.

Прежде всего, усвоение орфографических новаций всеми грамотными членами общества, а при значительном количестве частных изменений даже простое ознакомление с ними практически неосуществимо (такое ознакомление требует достаточно углубленных лингвистических знаний).

На длительный период реформирование осложняло бы работу в школе. Упрощение (подчас мнимое) работало бы только на начинающих обучаться грамоте, а учителя даже допускали бы (непроизвольно) сбои в собственном правописании.

Не менее важно, что в условиях изменения правописания во многом утрачивает силу **зрительный фактор** в усвоении орфографии и в поддержании ее стабильности: “Массив русских книг, способных помимо прочего служить образцом грамотности, поистине огромен. И все изданное в одночасье <...> превратится в помеху грамотному письму”, – пишут А.Привалов и Т.Базжина по поводу последнего проекта 14. Заметим, что действие этого фактора (в известной мере) ослаблялось при проведении реформы 1917-1918 гг.: 1) достаточно низким был процент грамотного населения; 2) не так огромен был объем печатной продукции; 3) содержание изменений было общепонятным для грамотных носителей языка. Зато в 1930-х годах орфографический разнобой в печатных изданиях в случае принятия тогдашнего проекта приобрел бы колоссальный масштаб. При обсуждении этого проекта констатировалось: “Не надо забывать того, что и книги, изданные до 1918 г., имеют еще очень большое распространение, и таким образом современный читатель будет иметь перед глазами **три формы написания** <...>” (выделено нами. – Е.С.) 15.

Естественно, что переиздание даже только **учебной** – школьной и вузовской – литературы, словарей, справочных пособий требовало бы в случае изменений орфографии колоссальных материальных затрат, отнюдь не решая проблемы орфографических разночтений в новых и старых печатных изданиях.

К тому же (и без учета социальных последствий) как чисто лингвистическая целесообразность предлагавшихся изменений, так и упрощение орфографии в результате их реализации были бы очевидны

далеко не во всех случаях.

Так, предлагавшееся в 1964 году снятие дефиса и введение раздельного написания в местоименных словах типа *кто-то, где-то, что-нибудь* и под. игнорировало **словообразовательную** роль компонентов **-то, -либо, -нибудь, кое-** – и, соответственно, игнорировало лексическую цельность неопределенных местоимений, от которых они образованы: **кто, где, что** и т.д.

Напротив, частицы **ли, же, бы**, для которых в 1930 году предлагалось ввести дефисное написание, не входят в состав слов, с которыми соединяются фонетически (ср.: *приедете ли, завтра ли; читал же, я же читал*); а частица **бы**, хотя и образует форму сослагательного наклонения, не обязательно стоит после соответствующего глагола (ср.: *я бы еще подумал*) и, следовательно, не может рассматриваться как морфема. Между тем **-то, -либо, -нибудь, кое-**, к которым приравнивалось бы написание **ли, же, бы**, несомненно, играют роль словообразовательных морфем: **-то, -либо, -нибудь** – постфиксы, в школьной терминологии их часто именуют суффиксами; **кое-** – префикс.

Несколько различающиеся в проектах 1930 и 1964 гг. предложения об устранении написаний двойных согласных (см. об этом выше) привели бы в ряде случаев к расхождению с произношением.

Отказ от буквы **ь** после шипящих означал бы отказ от дифференцирующей роли для графического различения рода существительных типа *печь* и *меч*, *рожь* и *нож*, включая омонимы: [черная] *тушь* и [грязнул] *туш*.

Практически постоянно в предлагавшихся проектах не учитывался фактор **речевой активности** определенных слов и словоформ.

Так, безупречное само по себе предложение (1964 г.) закрепить после **ц** только букву **и**, то есть написание, не соответствующее произношению, вызвало бы изменение в правописании самой частотной морфемы – окончания, и в первую очередь – окончания именительного падежа множественного числа: *отцы, бойцы, певцы, молодцы, храбрецы, зайцы, кузнецы, улицы, столицы, птицы, овцы, ученицы, ровесницы* и т.д. Между тем существительных с основой на **ц** в русском языке более полутора тысяч. Можно себе представить прочность зрительно-моторных навыков употребления в их окончаниях буквы **ы** и трудность переучивания!

Столь же важна с этой точки зрения частотность употребления отдельных слов. Например, в случае отказа от разделительного **ъ** изменилось бы написание таких употребительных слов, как *съесть, подъехать, отъезд, объявление, объяснить* и под.

(Недаром среди массы статей против предложений 1964 г. была статья Н.Задорнова, пародирующая в заголовке новые написания: “Доч цигана съела огурци”).

Даже только учет речевой активности отдельных слов побуждал бы подумать о том, в каком направлении унифицировать написание компонента **пол-**. Самыми частотными среди слов с этим компонентом являются слова, обозначающие параметрические, счетные понятия: *полчаса, полгода, полмесяца, полметра, полгектара* и под., слитное написание которых тоже имеет несравненно более высокий уровень зрительно-моторной усвоенности, чем дефисное в словах типа *пол-огурца, пол-апельсина* и под. Уже по этой причине осуществить унификацию написаний в словах с **пол-** было бы целесообразно не в сторону дефисного написания (как предлагалось в 1930, 1964 и 2000 гг.), а в сторону слитного **лб**. Не менее важно, что в современной орфографии “слоговые” отсечения в частично сокращенных словах вообще пишутся слитно, а не через дефис (см. *полпрежиссера, замминистра, госучреждения, спорткомплекс, спецодежда, медсестра, подлодка* и др.), и дефисные написания слов типа *пол-часа, пол-года* противоречило бы этой отчетливо выраженной тенденции.

В проекте нового “Свода правил русского правописания. Орфография. Пунктуация” (М., 2000) ставились две основные задачи: 1) упорядочение правописания новых слов (иноязычных лексем, аббревиатур); 2) совершенствование орфографических и пунктуационных правил (“Правила русской орфографии и пунктуации” 1956 г. характеризуются известным схематизмом). Предлагаемые изменения, как уже говорилось выше, оценивались авторами как незначительные и не были в числе их главных задач.

Тем не менее в проекте, с одной стороны, предлагалось более 20 пунктов изменений орфографии – в большинстве более мелких, чем в проектах 1930 и 1964 гг., и потому в ряде случаев еще менее оправданных и

малодоступных для массового пользователя. С другой стороны, основные орфографические нормы, которые не предусматривали каких-либо изменений, излагались в безупречной системе правил. А написания вновь вошедших в русский язык иноязычных слов вообще требует не столько разработки определенных правил, сколько фиксации таких слов, в наиболее “отстоявшейся” форме в специальных словарях.

Бесспорно целесообразных и не сулящих трудностей в реализации среди предлагавшихся изменений было относительно немного. К ним можно отнести дальнейшую либерализацию правил переноса, связанную со снятием ряда ограничений на стыке приставки и корня, а также сокращение случаев использования прописных (заглавных) букв в названиях официальных учреждений и официальных лиц.

Напротив, то вообще необоснованными (даже с чисто лингвистической точки зрения), то непоследовательными представляются предложения:

- писать через дефис сочетание **друг друга** (*друг другу, друг с другом*);
- снять между гласными буквами букву **й** , но только “в нарицательных <...> существительных с компонентом **-ер**”, сохраняя ее во всех других случаях: *фойе, Майя, паранойя, Мейерхольд, Хейердал* и под.;
- употреблять в иноязычных словах после твердых шипящих **у** вместо **ю** , но только в двух словах: **брошюра** и **парашют** при сохранении **ю** в лексемах **жюри, жюльен, монтежю** и нескольких других малоизвестных словах (проект 1964 г. предусматривал последовательную замену **ю** на **у**).

(О нецелесообразности дефисного написания компонента **пол-** см. выше).

Очень осложненный и непоследовательный характер имеют в проекте 2000 года предлагаемые правила правописания сложных прилагательных 17.

В целом лингво-методическое несовершенство проекта “Свода правил русского правописания” 2000 года отмечается практически во всех аналитических статьях 18.

Что касается затронутого выше вопроса о негативных социокультурных и социально-экономических последствиях проведения в жизнь орфографических новаций, то, кроме уже сказанного, существенна еще одна оценка: “... сами разговоры об упрощении [правил] порождают <...> надежду на то, что научиться писать грамотного станет легко. А надежда эта – заведомо ложная. Грамматику живого и богатого языка никакими силами не привести к виду, удобному для заучивания за две недели. Так вот, когда обыватель, наслушавшись похвал “упрощающей” реформе, обнаружит, что и после нее остается таким же полуграмотным, каким был, он просто-напросто обидится на орфографию – и почтение нации к собственному языку, к его красоте и живой сложности в результате только упадет. Это не теоретические измышления – в Германии и Австрии это именно сейчас и происходит” 19.

Примечания:

1. Прямое соответствие между звуками и буквами нарушалось в основном только использованием ряда “дублирующих” букв (в том числе – сохранявшихся в русском письме до 1917 года “i десятиричного”) и “и восьмиричного”; “ферта” (ф) и “фиты” (f), служивших в памятниках письменности не только для передачи звуков, но и для цифровых обозначений (употребление “ферта” и “фиты” было связано еще и с транслитерацией при передаче заимствованных греческих слов (в славянских языках исконного **ф** не было). Дублировались также буквы, соответствующие современной букве **я**.

2. Не касаемся здесь вопроса о законодательно осуществленной Петром I в 1710 году реформе гражданской азбуки, поскольку реформа эта была связана не с правилами правописания, а с упрощением **графического облика** букв в светской письменности. По преемственной связи с собственно кириллическим письмом и по характеру значений основных букв современное русское гражданское письмо именуется кириллическим и противопоставляется тем системам письма, которые основаны на латинице. О петровской реформе азбуки см.: **Иванова В.Ф.** Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1976. С.258-260; **Иванова В.Ф.**

Современная русская орфография. М., 1991. С.175-177.

3. См., например: Новые усовершенствованные методы для русского алфавита... М., 1833; **Кадинский К.М.** Упрощение русской грамматики. СПб., 1842.

4. См. сведения о публикациях соответствующих материалов: Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 годы. Вып. 1. М., 1954. С.173, 178, 183, 187 (№ 617, 654, 680, 713).

5. О перипетиях обсуждения этих вопросов см.: **Чернышев В.И.** Ф.Ф.Фортунатов и А.А.Шахматов – реформаторы русского правописания // Академик А.А.Шахматов. 1864-1920: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947. С.167-253.

6. Подробнее см. об этом: Иванова В.Ф. Современная русская орфография. М., 1991. С.177-180.

7. Текст декрета см.: Гвоздев А.Н. Современный русский язык. Сборник упражнений. Изд. 4. М., 1964. С. 76-78 и последующие издания (Куйбышев, 1981; Самара, 1997).

8. Такие разночтения отмечались, например, в одном из предваряющих разделов “Проекта Главнауки о новом правописании”. М., 1930. С. 16-18.

9. См. также: Проект реформы правописания / Русский язык в советской школе. 1930, № 1; Проект реформы правописания / Под ред. К.Бархина, Г.Костенко и П.Устинова. М.; Л.: Госиздат, 1930. 64 с.

10. Известия. 24 и 25.09.64; Учительская газета. 24.09.64; Советская Россия 24 и 25.09.64. Значительная часть соответствующих предложений предварялась опубликованной за полтора года до этого статьей: **Панов М.В.** Об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания. 1963, № 2. С. 81-93.

11. **Кузьмина С.** Реформа или новая редакция? // Отечественные записки. 2002. № 1. С.172.

12. Проект 1930 г. был особенно радикален.

Это определялось ложностью первого из основных положений, провозглашенного в данном проекте: “Реформа **равняется на малограмотных и неграмотных** в первую очередь”.

С ним было связано и другое положение: “В основу рационализации орфографии были положены морфологический и фонетический принципы в их органической связи с **неизбежным уклоном в сторону фонетики ...**” (Проект Главнауки о новом правописании. М., 1930. С. 11). *Выделено нами. – Е.С.*

На базе этих отправных посылок предлагалось, например: закрепить после твердых шипящих **ы** (*жыр, шыть* и т.д.); в окончаниях именительного падежа мн. числа – **-ьи**, **-ни**; в безударных личных окончаниях глаголов и суффиксах причастий – “фонетические” написания: *делаишь, боритсы, роиш; делаимый, дышуций* и под.

13. Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация: Проект. М., 2000. С.13.

14. Эксперт, 2001. № 20.

15. Чехов Н.В. Методика обучения чтению и письму и новое правописание // Русский язык в советской школе. 1930, № 5.

16. “Не поддаются” слитному написанию только образования от собственных имен типа пол-России, пол-Европы.

17. Подробнее об этом см.: **Скобличкова Е.С.** О проекте нового “Свода правил русского правописания. Орфография. Пунктуация” М., 2000 / Филологические науки. 2001, № 5.

18. **Привалов А., Базжина Т.** Навязываемая обществу реформа должна быть остановлена... / Эксперт. 2001, № 20; О результатах обсуждения проекта нового “Свода правил русского правописания. Орфография.

Пунктуация” (М., 2000) – 12 подписей / Русская словесность. 2002, № 2; То же / Вестник Самарского гос. ун-та. 2002, № 1 (23); **Рахманова Л.** О реформе орфографии / Отечественные записки. 2002, № 1; **Шмелев А.** Нужен ли новый “Свод правил правописания”? / Отечественные записки. 2002, № 2; **Пожарицкая С.** Орфография и возможности ее реформирования / Отечественные записки. 2002, № 2.

19. **Привалов А., Базжина Т.** Указ. статья / Эксперт, 2001, № 20.

E.S. Skoblikova

SURVEY OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN ORTHOGRAPHY

The paper gives brief information on the beginning of modern Russian orthography. A more detailed analysis is given to the reformation of orthography in 1917-1918 and to the unification of spelyaz contained in “The Rules of Russian orthography and Punctuation” (1956). There are also surveyed two unrealized projects of spelyaz changes (1930 and 1964) and the project of “The Set of Russian spelyaz. Orthography. Punctuation” (2000).